

имелись, то пускать их в ход не решались. Тем более что они находились под сильнейшим прессингом и угрозами отстранения от занимаемых должностей за невыполнение плановых заданий. Оставшиеся работники на местах делали для себя соответствующие выводы²⁶.

В июле 1930 г. деятельность окружных судов перестала осуществляться. Отчасти это объясняется проведением административно-территориальной реформы, основанием которой явилось постановление ЦИК и СНК РСФСР о ликвидации округов (тогда же на основе постановления ВЦИК РСФСР из 14 округов бывшего Сибирского края был образован Западно-Сибирский край)²⁷. Но нельзя не учитывать и ряд вышеперечисленных проблем (таких как непрофессиональная подготовка судебных кадров), повлекших правонарушения и некомпетентность следствия, а также подчинение окружных судов политическим, идеологическим и экономическим задачам как центральных органов власти, так и местной администрации (не говоря уже о полной подотчетности Сибирскому краевому суду). Всё это могло привести к тому, что окружные суды перестали справляться со своими обязанностями и задачами, поставленными администрацией. Впрочем, следует сделать оговорку, что для тогдашних властей «подчинение окружных судов политическим, идеологическим и экономическим задачам» было естественным и не могло служить причиной их ликвидации.

Таким образом, не оправдались расчёты властей на то, что после создания окружных судов судебная система в Сибирском крае заработает более эффективно в плане рассмотрения судебных процессов, ускорения следствия по каким-либо преступлениям и борьбы с «контрреволюционной преступностью». Система функционирования окружных судов оказалась нечёткой. К тому же они, помимо нерешенных внутренних проблем, ощущали внешнее давление со стороны властей. С одной стороны, суды не могли идти против существующего строя ввиду полной подчиненности ему, с другой стороны – законодательные судебные акты прописывали для судопроизводства решения, противоположные мнению руководства политических органов управления. Это противоречие привело к застою окружного судопроизводства в Сибирском крае, загруженности окружных судов, и к их упразднению в июле 1930 г.

¹ Голунский С.А., Карев Д.С. Судостроительство СССР. М: Юридическое изд-во Министерства Юстиции СССР, 1946. 196 с.

² Кожевников М.В. История советского суда 1917–1956 годы. М: Госюриздат, 1957. 382 с.

³ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовой борьбы в Сибирской деревне (конец 1917–1927 годы). Томск: Издательство Томского Университета, 1969. 210 с.

⁴ Угроватов А.П. Нэп и законность. 1921–1929 годы. Новосибирск: Изд-во «Советская Сибирь», 1997. 106 с.

⁵ Он же. Красный бандитизм в Сибири. 1921–1929 годы. Новосибирск: Изд-во ЮКЭА, 1999. 208 с.

⁶ Рожнева Ж.А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930е гг. Томск, 2003. 226 с.

⁷ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М: РОССПЭН, 1998. 462 с.

⁸ Уголовный Кодекс РСФСР. Л: Рабочий Суд, 1928. 153 с.; Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1925. № 89. 1926. № 85.

⁹ Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.): Справочник. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1966. 220 с.

¹⁰ Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1925. № 89. Ст. 651.

¹¹ Там же. 1926. № 85. Ст. 624.

¹² Соломон П. Советская юстиция при Сталине. С.33.

¹³ Там же. С. 53.

¹⁴ Еженедельник Советской Юстиции. М, 1927. № 23. С. 10.

¹⁵ Рожнева Ж.А. Политические судебные процессы... С. 106.

¹⁶ Уголовный Кодекс РСФСР. С. 6.

¹⁷ Советская Сибирь (Новосибирск). 1928. 6 декабря.

¹⁸ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп... С. 158.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ Кузбасс (Кемерово). 1928. 9 января.

²¹ Боженко Л.И. Там же. С. 161.

²² Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири. С. 156.

²³ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. С. 53.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Там же. С. 85.

²⁶ Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири. С. 155.

²⁷ Административно-территориальное деление Сибири... С. 117.

Н. С. Головань

**К постановке проблемы унификации
статистических показателей 1940-х – 1950-х годов
(на примере сибирской жилищной статистики)**

Советский период отечественной истории, несмотря на пристальное внимание многих исследователей, до сих пор оставляет ряд спорных вопросов и неоднозначных ответов. В среде историков вызывают дискуссии проблемы, связанные не только с

политическим, но и экономическим, социальным развитием страны, что во многом связано с засекреченностью источников, их противоречивостью и зачастую недостаточным количеством¹. История советской Сибири требует более глубокой и объективной реконструкции. Важным шагом в этом направлении может служить создание единого сибирского статистического сборника советского периода.

Острая необходимость в получении и дальнейшей унификации статистических показателей возникла при исследовании государственной жилищной политики в Кемеровской области, осуществлявшейся в 1940–1950-е гг. Эта тема заставила обратиться к вопросу жилищного строительства в соседних регионах Западной Сибири. Попытка провести сравнительный анализ государственных вложений в жилищное строительство, темпов ввода жилой площади, оказалась практически безуспешной именно ввиду недостаточности и разрозненности информационных данных.

Обращение к материалам общесоюзных статистических сборников² не дало результата. Подобные сборники имеют два существенных недостатка: количественные сведения периода 1940–1950-х гг. получили слабое отражение, а региональная статистика представлена в виде отчетов по выполнению народнохозяйственных планов союзными республиками, но не отдельными областями и краями.

К работе были привлечены опубликованные региональные статистические сборники «Народное хозяйство...» Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, которые содержат значительный информативный материал. Однако данные оказались несопоставимы, поскольку, во-первых, за основу были приняты относительные, а не абсолютные величины. В частности, статистические ряды, отражающие рост капитальных вложений в жилищное строительство, представлены в процентном соотношении. Подобным образом опубликованы данные Новосибирской области и Алтайского края. В статистическом сборнике «Кемеровская орденосная» аналогичные сведения о финансировании представлены в абсолютных величинах – рублях³. Вопрос о реальных затратах государства на жилищное строительство в отдельных регионах Западной Сибири остается открытым.

Во-вторых, год или период, относительно которого сравниваются цифровые данные, в разных регионах варьируются. Так,

сведения о строительстве жилья в Алтайском крае опубликованы с 1946 года, в Новосибирской области – с 1950 г.⁴

В-третьих, динамика изменений, представленная в процентном соотношении, в статистических сборниках регионов рассматривается в разных хронологических интервалах. Статистическая информация о возведении жилых домов в Алтайском крае обработана по пятилеткам, в Новосибирской области – по годам. Сведения по Томской и Кемеровской областям представлены по годам, но в процентном отношении к 1946 г.⁵

В-четвертых, объемы жилищного строительства в городах Западной Сибири зафиксированы в сборниках в различных вариациях: учитывалась либо жилая (например, в сборнике Томской области), либо общая площадь (в сборнике Алтайского края, Новосибирской области), либо общая жилая площадь (сведения по Кемеровской области). Соотнести подобные данные невозможно, поскольку общая площадь охватывает как жилую, так и полезную площадь. Но даже если данные перевести в единый стандарт – кв. м жилой площади, они не будут до конца точными, поскольку вплоть до 1960 г., как свидетельствуют архивные источники, кухня при переписи включалась в жилую площадь. Нередко вместо учета размера площади велся учет квартир, жилых домов, введенных в эксплуатацию, либо количества семей, улучшивших свои жилищно-бытовые условия.

Однако главная проблема состоит в том, что во всех сборниках (общесоюзного и регионального значения) полностью отсутствует информация за период 1941–1945 гг. Это вовсе не означает, что региональные, республиканские и центральное статистические управления не проводили переписей. Напротив, в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы были проведены 142 срочные переписи. Статистика как инструмент советской политики либо скрывала данные, либо предоставляла тщательно отшлифованную цензурой информацию.

Сегодня перед исследователями истории сибирского региона стоит важная задача анализа статистической информации, ее унификации. Отсутствие единой, однообразной системы обработки цифровых данных не позволяет использовать один из основополагающих методов в исторической науке – сравнительно-исторический. Важно отметить, что в ряде регионов подобная работа уже ведется. В Томске в 2004 г. был издан юбилейный статистический сборник «Томск. 1604–2004.», в котором данные о жилищных условиях периода 1940–1950 гг. расширены и до-

полнены: представлена информация о благоустройстве жилья и динамике изменений, присутствуют сведения за военный период (1941–1945 гг.)⁶.

Существенным подспорьем в данной работе могут служить областные фонды статистического управления. В частности, при составлении таблиц, схем, рядов значительную помощь окажут ежегодно заполнявшиеся паспорта городов.

Необходимость в проведении подобной исследовательской работы продиктована тем, что в аналогичной обработке данных нуждаются статистические ряды, отражающие не только уровень благосостояния советского населения, но и динамику промышленного развития.

¹ Ольсевич Ю. Нужно ли исследовать экономическую историю СССР // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 79–90.

² Народное хозяйство РСФСР в 1960 г.: Стат. ежегодник. М.: Госполитиздат, 1961. С. 221–226; Народное хозяйство СССР (1922–1972 гг.). Юбил. стат. ежегодник. М.: Статистика, 1972. С. 321, 326–327, 364–369, 499–827, Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбил. стат. Ежегодник. М.: Статистика, 1977. С. 436–437; 492–500; Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбил. стат. Ежегодник. М.: Финансы и статистика. 1987. С. 508–522.

³ Кемеровская орденосная. Стат. сборник. Кемерово: Кн. изд-во, 1968. 122 с.

⁴ Народное хозяйство Алтайского края. Стат. сборник. Барнаул: Алтай. кн. изд-во, 1958. С. 210; Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти. Стат. сборник. Барнаул: Статистика, 1967. С. 65, 91; Народное хозяйство Новосибирской области и г. Новосибирска. Стат. сборник. Новосибирск: Кн. изд-во, 1957. С. 129; Народное хозяйство Новосибирской области. Стат. сборник. Новосибирск: Госстатиздат, 1961. С. 194–195.

⁵ Народное хозяйство Кемеровской области. Стат. сборник. Кемерово, 1958. С. 168; Народное хозяйство Томской области. Стат. сборник. М.: Статистика, 1965. С. 100.

⁶ Томск. 1604–2004. Юбил. стат. сборник. Томск: Обл. комитет гос. статистики, 2004. 268 с.

А. С. Иванов

Принудительная миграция спецпереселенцев-калмыков на Югорскую землю в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы)

Каждый год в нашей стране 30 октября отмечается скорбная дата – День памяти жертв политических репрессий. Этот День отмечается не случайно, ведь в 1930–1950 гг. изгнанию с родных мест подверглись депортации более 58 народов и национальных групп, т. е. около 3,5 млн

чел.¹. Часть из этих принудительно перемещенных лиц составляли спецпереселенцы, которых в СССР на сентябрь 1944 г. насчитывалось 2 225 000 чел. За годы войны значительный размах приобрела этническая ссылка, неудивительно поэтому, что из приведенной цифры 1 514 000 чел. составляли «наказанные народы»².

Одним из насильственно перемещенных народов были калмыки, которые подверглись депортации вследствие ложного обвинения в поголовном сотрудничестве с гитлеровцами и предательстве интересов Родины, в сдаче в плен 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Эти обвинения послужили поводом для появления 27 декабря 1943 г. Указа Президиума Верховного совета СССР о ликвидации Калмыцкой АССР. На следующий день было принято постановление СНК СССР о выселении калмыков в Алтайский и Красноярский край, Омскую и Новосибирскую области³.

Калмыки прибыли в Омскую область в результате осуществления операции «Улусы», в результате проведения которой в Сибирь были выселены 92 963 калмыка⁴. Омская область в январе 1944 г. приняла 27 088 чел.⁵ в составе 14 эшелонов⁶. Переселенцы были расселены в южных районах области.

Неожиданным поворотом в жизни для многих спецпереселенцев-калмыков стало 30 апреля 1944 г., когда вышло совместное постановление омских Совета депутатов трудящихся и Обкома ВКП(б) «О переселении спецпереселенцев-калмыков в рыбопромышленные районы области»⁷. Они уже прижились, нашли определенный контакт с местным населением. Но в соответствии с постановлением были намечены к переселению на север – 11 393 чел.; планировалось начать отправку 15 мая, а завершить к 15 июня⁸.

Реальные цифры завоза оказались несколько ниже плановых. В районы Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Тобольского округов было выселено 8597 чел.⁹.

Из них в Ханты-Мансийский округ было завезено 5999 калмыков¹⁰. По районам они распределились следующим образом: в Березовский район – 1108, Микояновский – 1193, Самаровский – 1239, Кондинский – 689, Ларьякский – 652, в Сургутский – 1118 человек¹¹. Постановление от 30 апреля предопределило трудоустройство завезенных. В подавляющем большинстве трудоспособных калмыков закрепили за многочисленными предприятиями Ханты – Мансийского госрыбтреста, а также рыбколхозами. Остальных передали Сиблестресту, райрыбкоопам, райпромкомбинатам, промартелям¹², колхозам¹³.

По отчетам райпрокуратуры калмыки в большинстве своем были люди пожилые, больные и не имеющие навыков ловли рыбы, промышленного труда, не знающие русского языка¹⁴. Специфика расселения в рыбопромышленных районах области заключалась в том, что в южных районах Омской области в январе 1944 г. калмыки размещались преимущественно